

АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА ВОЛОГДЫ

ВОЛОГДА В МИНУВШЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ГОРОДА

VOLOGDA
IN THE LAST MILLENIUM
HISTORICAL HIGHLIGHTS

древности севера

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

Вологда «ДРЕВНОСТИ СЕВЕРА» 2004

Предисловие. Город как исторический феномен

Львиные ворота в Микенах (Греция).
Возведены в середине II тысячелетия
до нашей эры

Храм богини Геры (II) в Посейдонии
(ныне город Пестум в Южной Италии).
V век до нашей эры

Триумфальная арка III века нашей эры
в городе Тимгад (Алжир)

Вологда, истории которой посвящено настоящее издание, — город не самый древний и не самый большой. Это — город средних масштабов. Основной определяющий признак Вологды как исторического явления — ее принадлежность к тому типу поселений, которые называются городами. Поэтому попытаемся заглянуть вглубь веков и проследить основные этапы исторического развития городов. Такой экскурс в прошлое позволит читателю осознать, какое место в истории, особенно в истории России, занимает Вологда и в чем состоит ее самобытность, так ярко себя проявившая в различных сферах материальной и духовной культуры.

Города появились в эпоху перехода человечества от первобытности к цивилизации. Более того, уже само существование городов стало одним из основополагающих признаков цивилизованности общества. Немецкий философ Освальд Шпенглер придавал городам значение «существенной черты цивилизации». Причины и условия появления городов и их роль в доиндустриальных цивилизациях были различными.

Города в условиях древних цивилизаций Востока первоначально были лишь административными и религиозными центрами сельских общин земледельцев и зачаточной формой государства. Они возникали вокруг храмов и были тесно связаны с храмовыми хозяйствами. Постепенно эти храмы «обрастили» поселениями ремесленников и торговцев, которые обслуживали главным образом нужды царя, храма и знати. Города Древнего Востока долгое время оставались в первую очередь религиозными центрами, крепостями и резиденциями светских правителей. В городах были сосредоточены государственные учреждения, ведавшие прежде всего крупными ирrigационными сооружениями и строительными работами. Городское население фактически находилось в состоянии несвободы и сильно зависело от государственной администрации, подчинявшей город своей власти.

Иными были судьбы городов в условиях античной цивилизации. Собственно говоря, цивилизация в Древней Греции начиналась с города-государства — полиса. Государство здесь (как и в Древнем Риме) существовало не над общиной (как это было на Востоке), а вырастало из самой общины. Гражданами города-государства здесь были не только жители самого города, но и жители прилегающей к городу окраин. Обязательным условием гражданства являлось владение земельной собственностью. Полис был прежде всего коллективом свободных граждан. Хотя античные города в той или иной мере представляли собой торгово-ремесленные центры, преобладающей сферой производственной деятельности, лежащей в основе существования полиса, все же продолжало оставаться сельское хозяйство. Это отличает их от городов более позднего времени. Отличительной чертой полисов классического периода их истории была полная политическая самостоятельность. Города-государства сформировались в ходе острой социально-политической борьбы демоса (народа) с родовой аристократией и развития институтов демократии (народовластия) в античной Греции. По этому варианту совершалось развитие таких знаменитых греческих городов, как Афины, Коринф, Милет и Эфес. Подобным же путем шло и становление республики в Риме.

Однако античная цивилизация, как известно, погибла. На смену ей в Европе пришла средневековая цивилизация и вместе с ней — новый тип городов. В переходную от Античности к Средневековью эпоху старые города или прекратили свое существование, или сильно сократились в своих размерах и утратили античные черты. Города феодального типа появились в Западной Европе в X—XI веках (раньше всего — в IX веке — в Италии), то есть в то самое время, когда средневековая западноевропейская цивилизация вступала в эпоху своего расцвета.

С наступлением Средневековья в Западной Европе возобладало натуральное хозяйство. Процесс возникновения городов в таких условиях оказался связан с общественным разделением труда и отделением ремесла и торговли от сельского хозяйства, развитием товарно-денежных отношений. Видимо, не случайно в Средние века город противопоставлялся деревне, в то время как Античность не знала оппозиции городского центра и сельской округи.

В Западной Европе в Средние века центрами кристаллизации торгово-ремесленного населения вначале чаще всего становились феодальные замки или старые римские города, возрождавшиеся к новой жизни. Однако нередко, особенно в более позднее время, города развивались и из неукрепленных деревенских поселений. Большинство городского населения в Европе составляли ремесленники и торговцы. Это население по роду своей основной деятельности не зависело от феодалов — владельцев земли, на которой появлялись сами города. В силу данного обстоятельства в Западной Европе рано развернулось коммунальное движение, целью которого было максимально возможное в условиях того времени освобождение от власти феодалов (сеньоров). И на этом пути многие города весьма преуспели.

Результатом победоносного коммунального движения было прежде всего ослабление или даже освобождение городов от сеньориальной зависимости и системы «феодального обирадательства». Города получали право на формирование правящего совета и суда; горожане приобретали личную свободу; получали официальное признание их права собственности на мастерские, ремесленные изделия, жилища, товары и денежные средства. Городской совет стал вводить налоги и определять порядок их взимания, ведать административными делами, осуществлять контроль над городской экономикой, руководить вооруженными силами города и пр. Все это открывало перспективу успешного развития ремесла и торговли. При таком варианте развития (примером которого могут служить французские коммуны или немецкие имперские города) магистраты распространяли свою власть и на сельскую округу, и тогда городская община превращалась в коллективного сеньора деревень этой округи. Отличительным признаком самого городского строя была корпоративность, которая предполагала объединение горожан в торгово-ремесленные цехи и купеческие гильдии. В особые корпорации объединялись, например, в немецких городах, и патриции. Однако власть в городах после успешных коммунальных движений оказывалась в руках их верхушечной прослойки — патрициата, который состоял из наиболее богатых и влиятельных семейств города. В связи с этим в дальнейшем между патрициями и цеховыми мастерами развернулась борьба за власть, которая обычно заканчивалась компромиссом между противоборствующими сторонами или оттеснением патрициата от власти (как это, например, произошло в Равенсбурге). Иногда патрициям, напротив, удавалось сохранить власть в своих руках (как в итальянской Венеции и немецком Нюрнберге). С XIV—XV веков исход социальной борьбы в городах все чаще оказывался связанным с судьбами зарождавшегося капиталистического уклада в общественном производстве, который еще долгое время «существовал» с натуральным хозяйством и простой кооперацией.

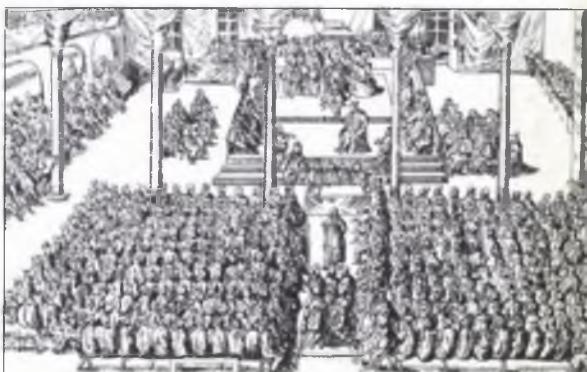
В государствах Западной Европы городское бюргерство достигло такой силы и влияния, что в союзе с королевской властью приняло активное участие в преодолении политической раздробленности и формировании централизованных государств. В отличие от стран Востока, на Западе уже в Средние века был выстроен мост диалога между властью и обществом. Здесь в известной мере стало правомерным выражение: «Глас народа — глас Божий». Рупором «гласа народа» в рамках сословных монархий были представительные учреждения (парламент в Англии, Генеральные штаты во Франции, рейхстаги в Германии, кортесы в Испании), в которых бюргеры получили право заседать рядом с депутатами от «благородных сословий» тогдашнего общества — духовенства и дворянства. Основным полномочием представительных учреждений было право на разрешение налогов. Принятие необходимых королевской власти решений по данному

8
Вид швейцарского города Базеля.
Средневековая миниатюра

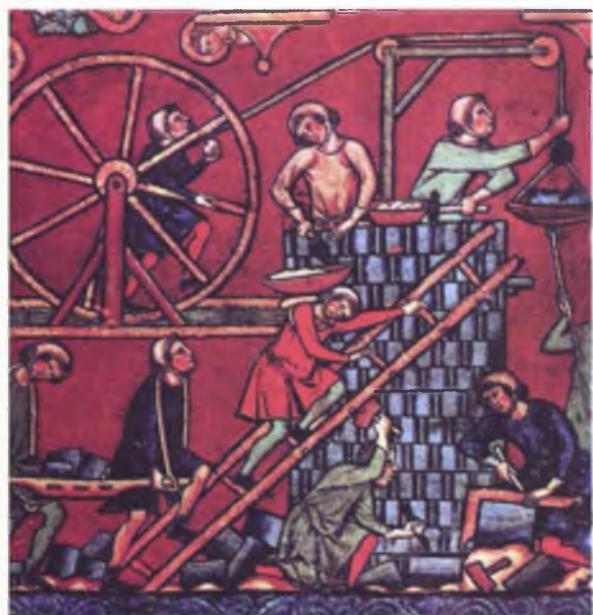
9
Готический собор в городе Реймсе (Франция).
XIII—XV века

10
Заседание Генеральных штатов.
Французская гравюра XVI века

11 Резиденция далай-ламы – средневековый дворец Потала в священном городе Лхаса (Тибет)

12 Строительство. Фрагмент миниатюры из французской рукописи XIV века

13 Вид города Ладоги. Гравюра из книги «Описание путешествия А. Олеария». 1656 год

вопросу в значительной степени зависело от позиции представителей городов. Последние использовали это обстоятельство для проведения в жизнь отвечавших интересам городского бургераства законодательных актов.

В городах стран Востока в Средние века сложилось отличное от западноевропейских городов соотношение социальных сил. Здесь безраздельно доминировали проживавшие в городах феодалы, чиновники и духовная знать. Экономически самостоятельные ремесленники оказались под строгим и полным контролем государственной власти. Городского самоуправления в странах Востока, как правило, не было. Здесь практически неизвестны борьба горожан за городские вольности, их выступления на политической арене как самостоятельной силы. Влияние феодалов было доминирующим еще и потому, что опорой центральной государственной власти на Востоке оставалась феодально-государственная собственность на землю. Государственная власть, как правило, не рассматривала города как серьезную силу, необходимую в ее борьбе с мятежной знатью за централизацию управления страной. К тому же, большое значение для многих городов Востока имели экономические связи с кочевыми скотоводческими племенами, поставлявшими в города сырье для производства ремесленных изделий. Однако союз горожан с кочевниками был непрочным, так как постоянные нападения последних наносили большой ущерб городам, часто сопровождались их разграблением и даже разрушением.

Сравнение западноевропейского и восточного типов средневековых городов обнаруживает, прежде всего в административно-правовой сфере, существенные различия между ними. Средневековые города Западной Европы в гораздо большей мере были свободны в выборе пути развития и проявлении творческого духа. Их жители обладали большей свободой и правоспособностью, чем население городов в странах Востока. Поэтому западноевропейское бургерство оказалось более подготовленным к восприятию новаций в технологиях и организации общественного производства. Вполне закономерен и тот факт, что производительные силы стран Востока, на протяжении многих веков превосходившие по своему уровню развития производительные силы Запада, примерно с XIV века начинают безвозвратно утрачивать это превосходство. В такой же мере очевиден ответ на вопрос, почему капитализм сделал свои первые шаги не на Востоке, а на Западе.

Развитие древнерусских городов имело ярко выраженные особенности, хотя на начальном этапе возникновения и становления они обнаруживали много общих черт с западноевропейским вариантом урбанизма. Так же, как и в Западной Европе, в X–XII веках число древнерусских городов непрерывно растет. Не случайно Древнюю Русь иностранцы называли «страной городов». К середине XIII столетия большинство крупных городов – столиц древнерусских земель (княжеств) – перешагнули узкие рамки старых племенных центров и развивались достаточно быстрыми для того времени темпами, становясь средоточием ремесла и торговли.

Татаро-монгольское нашествие не могло не иметь отрицательных последствий для древнерусских городов. И все-таки эти последствия не носили характера необратимой катастрофы: кочевников, привыкших к степи, мало интересовали бескрайние лесные пространства Северо-Восточной Руси. На большей части южнорусских и западнорусских земель зависимость от Орды была номинальной. Она ограничивалась уплатой «выхода» (дани) и получением князьями ярлыка на управление. Примечательно, что древнерусские города в это время продолжали сохранять древние начала «общинной демократии»: вечевые собрания, выборность городских «магистратур», право призыва и изгнания князя, бывшего предводителем профессиональной дружины и городского ополчения. Дальнейшее развитие институтов городской демократии в большей степени было характерно для Северо-Западной и Юго-Западной Руси. До конца XV века сохранили свою самостоятельность и вечевое правление города-государства Новгород Великий и Псков. Некоторые западные

и юго-западные города Руси попали в сферу влияния Великого княжества Литовского (позднее объединенного польско-литовского государства – Речи Посполитой). Их внутреннее устройство и развитие все больше переходило на западноевропейские «стандарты» и воспринимало нормы Магдебургского права. Для городов Северо-Восточной Руси с конца XIV века характерен иной путь исторического развития. Институты городской демократии здесь в конечном итоге были подавлены ростом аристократии и военно-служилого сословия, авторитетом церкви.

В XV–XVI веках, в условиях успешно проходящей политической централизации, непрерывного расширения государственной территории, общего хозяйственного подъема, российские города продолжали расти и богатеть. Интересно и то, что пространство средневековой Московии складывалось по «городовому» принципу: во второй половине XVI столетия окончательно оформилось деление всей государственной территории Московской Руси на города «Замосковные» (в основе их лежала территория древней Ростово-Сузdalской земли), «Поморские» (территория Европейского Севера), города «Немецкой Украины», «Литовской Украины», «Заоцкие», «Рязанские», «Северские» и другие.

Средневековый русский город с самого момента своего возникновения являлся центром большой или малой округи (как правило, уезда), «стягивал» и формировал вокруг себя особое жизненное пространство, насыщенное множеством хозяйственных, политических, идеологических и иных связей. Не случайно на стыке городского и деревенского укладов формировались основы духовной и материальной культуры народа, его национальное самосознание. В силу исторически сложившихся на Руси форм хозяйства и специфики феодальных отношений социально-правовая составляющая российского средневекового города сильно отличалась от западной. Русские ремесленники и торговцы не приобрели тех прав и привилегий, которых добивались (в одних случаях силой оружия, в других – денег) у феодальных властителей бургеры городов Западной Европы. Посадское население Московской Руси, безусловно, принимало участие в городском самоуправлении, однако отдельные элементы народовластия не могли изменить общее направление социально-экономического развития.

В цивилизационном контексте, видимо, можно говорить о постепенном сближении русского города (прежде всего как социально-хозяйственного организма) с восточной моделью исторического развития, для которой, как известно, характерно наличие системы государственного феодализма. Однако верно и то, что полного тождества между «русским» и «восточным» началами нет. В Европейской части России «восточные» черты в большей степени проявлялись в Замосковье – там, где безраздельно доминировало военно-служилое сословие. Однако торгово-промышленные центры Севера (Вологда, Устюг, Сольвычегодск, Вятка) и Поволжья (Ярославль, Кострома, Галич, Нижний Новгород) к середине XVI столетия находились на стадии развития, которую можно охарактеризовать как предбуржуазную.

Итак, переломным в судьбах России, как, впрочем, и Западной Европы, оказался XVI век. Историки его называют «столетием выбора». В жизни Московской Руси тогда странным образом переплеталось европейское с азиатским: с одной стороны, в период реформ середины XVI столетия получило законодательную основу и широкие полномочия местное (в том числе и городское) самоуправление, действовали общерусские сословно-представительные учреждения (земские соборы), а с другой – установилась практически неограниченная власть царя. Города – очаги ремесел и торговли – одновременно становятся военно-административными центрами с целой системой запретов и ограничений, что никак не способствует развитию свободных экономических связей с другими государствами, в том числе Западной Европы. В итоге идущий в первой половине XVI века активный процесс европеизации (или вестернизации) Московской Руси к концу столетия почти полностью замирает. Почему так произошло?

14
Въезд послов от черкасских татар в Москву 12 сентября 1634 года. Гравюра из книги «Описание путешествия А. Олеария». 1656 год

15
Храм Софии в Константинополе. Построен в 537 году, а после падения (в 1453 году) Византийской империи превращен в мечеть

16

17

Сфера, увенчанная крестом, – прототип державы русских царей – символ всего мира и могущества христианства.
Миниатюра из византийского рукописного Евангелия, оформленного с XII по XIV век. Золотая держава находится и на современном гербе Вологды, рисунок которого восходит к XVIII веку

18

Двуглавый орел с монограммой на груди –
символ династии Палеологов, византийский
герб. Миниатюра из византийского
рукописного Евангелия XII–XIV веков

19

Прорисовка государственной печати царя
Иоанна Васильевича – Ивана Грозного.
Гравюра середины XVI века

20

Царь Иоанн IV (Грозный).
Немецкая гравюра XVI века

Отвечая на этот вопрос, нужно принять во внимание следующие обстоятельства. Во-первых, необходимо иметь в виду, что Московская Русь считала себя законной наследницей и правопреемницей Византии (Восточной Римской империи). Эта идея утвердилась не сразу. Однако уже с конца XV века проблема «греческого наследства» сильно волновала интеллектуальную верхушку русского общества. Русь, еще едва ощущившая себя самостоятельной державой, в начале XVI века устами инока Филофея чеканно подвела итог многолетних размышлений о Божием провидении и дальнейших своих судьбах. Филофей в своем послании к великому князю Василию III писал, что церковь Древнего Рима пала из-за своей ереси; церковные врата Второго Рима – Константинополя – были изрублены топорами неверных турок; но Церковь Московии – этого Нового Рима – блестает ярче, чем Солнце во всей Вселенной: «Два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать». Основу государственного герба России составил двуглавый орел, перенятый Иваном III из символики императоров Византии. С течением времени идея «византийского наследия» и «Третьего Рима», трансформировавшаяся в идею «Святой Руси», стала достоянием широких слоев населения Московского государства. По словам историка А. Дж. Тойнби, в «долгой и беспощадной борьбе за сохранение своей независимости русские стали искать спасение в тех политических институтах, которые уже принесли погибель средневековой Византии». Однако думается, что английский историк прав лишь отчасти. Политическая традиция поздней Византии никогда не воплощалась на Руси в «чистом» виде. Гораздо важнее была сама идея «богоизбранного царства», призывающая Русское государство восстановить попранную «язычниками» «Божию волю». Так спор о «византийском наследии» переносился современниками в иную – духовную – плоскость, и восточное христианство с готовностью отвечало этому вызову времени. Неизбежно следовал и главный политический вывод: не может быть никаких компромиссов с Западом (который долгое время отождествлялся со Священной Римской империей германской нации), поскольку «Рим» (центр цивилизации) на Земле может существовать только один!

Во-вторых, первые московские государи – Иван III и его сын Василий Иванович, – отодвигая рубежи державы на Запад, в государственном устройстве ориентировались более на Восток. Политическим идеалом Московской Руси этого времени оставался строй великой евразийской «империи» монголов. Не случайно хана величили «царем», а на Руси мог быть только его «представитель» с титулом великого князя. Около четверти тысячелетия Русь юридически являлась монгольским улусом, но когда ослабление и политический распад Золотой Орды стали реальностью, естественно встал вопрос о преемственности власти на востоке Евразии. Закономерным итогом длительного процесса «передачи власти» от татарского хана к русскому государю и стало появление России.

В период правления первого русского «законного» царя Ивана Грозного восточные традиции возобладали. Череда военных конфликтов с Западом за территориальное наследие Киевской Руси завершилась для России неудачно. Зато на Востоке успехи превзошли ожидания: покорены Казань и Астрахань, пало Сибирское ханство... Однако в своем непрерывном движении «встречь Солнцу», Россия, образно выражаясь, выигрывала в пространстве, но теряла в историческом времени. Беспримерные усилия, затраченные на культурное освоение огромных малозаселенных территорий Севера и Северо-Востока, в исторической перспективе означали потерю темпа и преобладание экстенсивного пути развития над интенсивным. Со второй половины XVII века началось и весь XVIII век продолжалось возвращение нарушенного равновесия между азиатским и европейским началами. Но «Европой» Россия так и не стала. В период, казалось бы, наиболее последовательной, петровской, вестернизации Россия вместо привлекательных политических, юридических и хозяйственных институтов Запада получила новую (и самую жестокую) редакцию крепостного права, смягчать которую предстояло не одному поколению правителей России.

Грешники, идущие в ад. Фрагмент иконы «Страшный суд» из Мироносицкой церкви в Вологде. Вторая половина XVII века.

Среди кричащих и рвущих на себе волосы грешников многочисленны иноземцы-иноверцы, угадываемые по облику, переданному вологодским иконописцем: одетые в шкуры язычники, мусульмане с выбритыми головами, одетые в характерные костюмы жители Европы — «ляхи», «немцы», «французы»...

Молебен у Покровского собора и Лобного места на Красной площади в Москве. Фрагмент гравюры из книги «Описание путешествия А. Олеария». 1656 год

Площадь Гран-Плас в Брюсселе (Бельгия), застроенная в стиле барокко в конце XVII века

В-третьих, особенность исторического развития Московской Руси была изначально предопределена смешением славянского, финно-угорского, скандинавского и тюркского культурно-этнических компонентов, так как Русь волею судьбы складывалась как обширная многонациональная держава. Преобладание восточного (евразийского) компонента оказало огромное влияние на формирование культурной традиции России (в том числе и хозяйственной). Западная цивилизация также представляла собой мозаичную целостность многих народов, но развивалась по пути строительства отдельных национальных государств.

В сдерживании «западнических» традиций значительную роль сыграли и специфические отношения между государством и Православной церковью. Будучи послушным орудием светской власти, церковь, с одной стороны, в критических ситуациях порою оказывалась не в состоянии служить громоотводом общественных настроений, оппозиционных государственной власти; с другой стороны, она не несла в народные массы идеологических установок, отвечавших вызовам времени. Напротив, западноевропейское христианство (особенно протестантская его ветвь) стремилась «внедрять» в сознание «простых людей» ценности постсредневековой цивилизации. Наиболее выразительна в этой связи «трудовая этика» протестантизма, которая как историческое явление блестяще была исследована немецким социологом Максом Вебером.

Значение городов резко возросло, по крайней мере в Западной Европе, с переходом общества от средневековой к индустриальной цивилизации, от Средних веков к Новому времени. Перемены были тесным образом связаны с возникновением капитализма и его превращением во «всеобщую форму» сначала в промышленности, а затем и в сельском хозяйстве. В отличие от феодализма, который исходил из деревни и являлся по преимуществу аграрным строем с незначительной прослойкой городского населения, источником капиталистического производства стал город, что в конечном итоге привело к резкому росту городского населения. В новых исторических условиях города приобретают не только исключительный экономический вес, но и значение важнейших политических, интеллектуальных и культурных центров.

К началу Нового времени влияние городов на общество становится доминирующим. Преобладающими чертами города теперь являются унификация и интеграция. В эпоху развития общества индустриального типа в Западной Европе и Северной Америке

24
Вологда. Домик императора Петра Великого.
Открытика 1914 года. Москва: Издательство
контрагентства А. С. Суворина и К°

25
Духовная семинария. Дом губернатора. Реальное
училище. Открытика 1909–1914 годов.
Вологда: Издательство Е. Тарутиной

26
Водопровод и присутственные места.
Открытика 1904–1908 годов. Вологда:
Издательство И. Соколова и Л. Раевского

27
Городская дума. Открытика 1909–1917 годов

происходят небывалые, глобальные изменения. Внутренние причины, их породившие, обозначены выше. Меняется и внешний облик города, который все более приобретает черты искусственной среды обитания человека. Города навсегда прощаются с крепостными стенами, а причудливые переплетения тесных, кривых улочек сменяют регулярная, геометрически выверенная застройка. Возводятся кварталы новых многоэтажных зданий, а в окнах домов загораются сначала газовые, а затем электрические лампы. Улицы и проспекты «оснащаются» многоцветьем рекламы, суетой потока пешеходов, омнибусов, трамваев, первых автомобилей. «Ускоряется» течение времени, а вместе с ним — и жизнь горожанина. Европейский город эпохи Нового и Новейшего времени живет свежими биржевыми сводками, газетными перепалками, парламентскими баталиями, сплетнями о жизни знаменитостей и прочей внешней «атрибутикой», свойственной гражданскому обществу. Сомнительные украшения из фабричных труб на заводских окраинах становятся также важной составляющей нового городского пейзажа. Они же являются грозным напоминанием о том, что небывалый технический прогресс может обернуться против его творцов.

Материальные остатки культуры прошлого в единообразном городском ландшафте современности превращаются в островки, возбуждающие ностальгические воспоминания. Вещи «долгого Средневековья» вскоре исчезнут из обихода. Они превратятся в экспонаты музеев и библиотек, сохраняющих память о минувшем.

Многие современные исследователи, говоря о социально-экономическом развитии России в эпоху Нового и Новейшего времени, называют исторический тип развития российского общества «догоняющим». Вполне можно допустить, что титанические усилия по модернизации России (порой приводившие к трагическим последствиям) — в годы правления Петра I, Александра II, последних Романовых или в период сталинского «большого скачка» первых пятилеток — носили вынужденный, иногда и защитный характер. Цивилизация Запада не только притягивала и манила своими очевидными успехами и достижениями, но и настораживала своей мощью. Культурные ценности Запада во многом стали «питательной средой» для развития интеллектуальной и управленческой элиты России. Вместе с тем следование «европейским стандартам» ставило в прошлом и ставит сегодня перед российским обществом неизбежный вопрос о цене инноваций, о сохранении своей самобытности. Быть может, тот грандиозный социальный и хозяйственный «эксперимент», который образно называют сейчас «советской цивилизацией», явился единственным возможным ответом на тяжелые «вызовы времени»? Это тоже была попытка модернизации, построения индустриального общества, но с опорой на ценности, отличные от западных. Однако чем объяснить провал этого «эксперимента»? Вполне возможно, дело в том, что его творцы ориентировались не на трезвый расчет, а на социальную утопию...

Впрочем, вернемся к истокам «второй волны» вестернизации России и рассмотрим ее результаты с другой стороны. Крупный столичный и губернский русский город конца XVIII–XIX веков похож на своего европейского «собрата»: та же регулярная планировка, ставшая в Екатерининскую эпоху правилом; то же разностилевое барокко, а затем классицизм архитектурного оформления главных кварталов, дополненные со временем эклектикой и модерном; те же звучные названия городских органов управления (магистраты, ратуши); те же модные фасоны одежды... Однако схожесть эта скорее внешняя, обманчивая. В России по-прежнему в силе аристократия; все так же велика роль чиновничества и духовенства; как и прежде, велика пропасть между богатством и бедностью, властью и народом.

Реформы 1860–1870 годов в России открыли небывалый простор для развития местного городского самоуправления. Скоро городское земство, в которое пришли представители капитала и разночинная интеллигенция, серьезно потеснило и без того шаткие позиции дворянства. Большие и малые города жили под знаком перемен: на средства и под присмотром земства развивались образование и культура, социальные программы и гражданское строительство.

Рубеж XIX и XX столетий был ознаменован «скачком» развития современной индустрии, нового капиталистического хозяйства. Казалось, еще несколько десятилетий — и Россия действительно «догонит и перегонит» Европу и Америку...

Но успехи новой индустриальной цивилизации в «русском» ее варианте не следует переоценивать. Промышленный капитализм, составивший суть новой эпохи, развивался крайне неравномерно. Связанная с его достижениями современная цивилизация группировалась своеобразными островками, центрами которых являлись города-гиганты с их промышленными районами: Москва, Санкт-Петербург, Киев, индустриальные центры Прибалтики, Финляндии и Польши. Подавляющее большинство подданных Российской империи — обыватели сельской округи и малых городов — по-прежнему жили нормами и ценностями доиндустриального (крестьянского) общества.

Эпоха Первой мировой и Гражданской войн, социальные потрясения разрушили нарождающийся уклад российского индустриального общества, и его восстановление пошло уже в совершенно ином политическом и культурном контексте. Вмешательство государства во все сферы жизни, прямая регламентация хозяйственных и иных отношений неизмеримо возросли. Советское общество в течение десятилетий находилось в состоянии непрерывного «стресса», противостояния с Западом и самим собой. Такова была цена «вхождения» в современную цивилизацию. И все же, модернизация «сверху» к концу 1960-х годов в целом завершилась: более половины населения России рассталось с прежним деревенским укладом и переселилось в города. Повседневная жизнь большинства жителей средних и крупных городов стала жестко привязана к машинному производству, безвозвратно изменился стиль и ритм самого существования человека.

В последние десятилетия существования Советского Союза перед политической и хозяйственной элитой остро встал вопрос о путях дальнейшего развития страны. Ограниченные реформы «сверху», носившие характер «косметического ремонта», и расчет на выгодную конъюнктуру мировых цен на энергоносители уже не могли компенсировать очевидного отставания экономики и «застоя» в общественном строе огромного государства. Развитые страны Запада и подтянувшаяся к ним значительная часть азиатского Востока (особенно Япония), преодолев «кризис роста», вступили в эпоху постиндустриальной цивилизации, а на смену прежним моделям общественного развития пришли новые формы, сущность которых наиболее точно выражается в категориях «информационного» общества. Советский Союз, а затем и новая Россия вновь оказались перед необходимостью выбора.

Каким станет город завтра? Какова будет судьба России, ее больших и малых городов? Сможет ли новая модель развития цивилизации сохранить специфику и культурное многообразие народов, природных и культурных ландшафтов, неповторимое своеобразие станицы исторических городов, к числу которых принадлежит и наша Вологда? Впрочем, историки предпочитают не заниматься далекими футурологическими прогнозами...

Обо всех (или, точнее, почти обо всех) сюжетах, которые были обозначены выше, речь пойдет и в настоящем издании. Задача авторского коллектива состояла в том, чтобы проследить судьбы города как исторического феномена с момента его рождения и до сегодняшнего дня на примере «боговдохновенной» Вологды — города на Русском Севере. Наше предисловие имело целью, с одной стороны, создать своего рода исторический фон, на котором будут освещены события в самой Вологде и вокруг нее; с другой — показать значение города во всемирно-историческом процессе. Понятно, что древняя, с нашей точки зрения, Вологда появилась гораздо позже многих всемирно известных городов. Гораздо старше ее античные города, например, столица современной Греции — Афины или столица Италии — Рим. То же самое можно сказать о столице Франции — Париже (галло-римской Лутетии) или Англии — Лондоне (основанном римлянами Лондиниум), истоки которых также восходят к Античности.

28

Один из старых жилых домов Вологды. Фотография из альбома «Строительство и благоустройство г. Вологды в 1934—1938 годах» (Государственный архив Вологодской области)

29

Колонна Вологодского государственного педагогического института на первомайской демонстрации 1961 года. Перекресток улиц Клары Цеткин (ныне Благовещенская) и Батюшкова

30

Юбилейный коммунистический субботник на территории завода «Северный коммунар» в честь 50-летия первого субботника, состоявшегося в Москве 12 апреля 1919 года

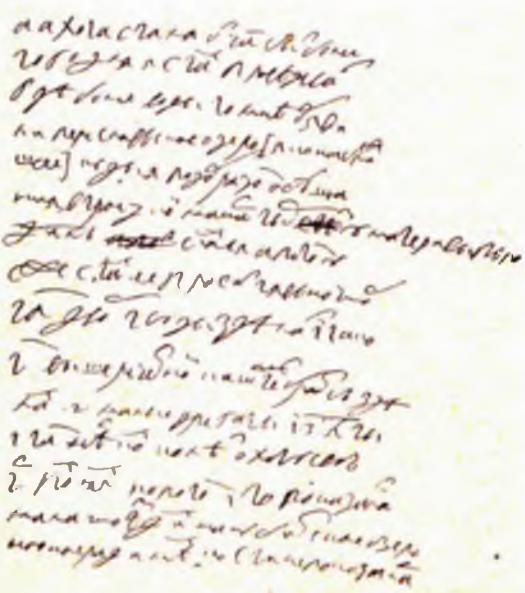

Страница из лицевого летописного свода, рассказывающая о столкновениях в 1130-х годах войск Новгорода и великого князя из-за права собирать дань на Севере, в том числе и в вологодских землях

Определенно старше Вологды и возникшие в Средние века многие знаменитые города Западной Европы (Брюгге, Гент, Аугсбург и др.) и многие древнерусские, такие, как Киев, Чернигов, Псков, Великий Новгород, и даже некоторые города нашей области – Белозерск (если считать его преемником Белоозера) и Великий Устюг. Самим названием книги авторы хотели показать, что вся прошедшая история Вологды укладывается в рамки минувшего тысячелетия. В обыденном сознании и даже на официальном уровне укоренились представления о Вологде как ровеснице столицы России Москвы, датой основания которой считается 1147 год. Эти представления, с научной точки зрения, вряд ли являются бесспорной истиной: первое заслуживающее доверия упоминание Вологды в исторических документах относится лишь к 1264 году. Быть может, резоннее назвать Вологду ровесницей столицы Германии Берлина, основанного в 1237 году? В любом случае Вологда находится в том почтенном возрасте, который достоин уважения. Читатель найдет пищу для размышлений на этот счет в книге и сам вынесет вердикт (хотя бы для самого себя) по этому спорному вопросу.

Что касается «исторического фона», под ним следует понимать типологию урбанизма, роль и значение городов в условиях различных исторических эпох и цивилизаций. Вдумчивый читатель сам сделает вывод: к какому типу городов можно отнести Вологду или же признать ее путь в истории исключительно самобытным, единственным и неповторимым. Он же решит, чем была Вологда в судьбах Отечества.

И, наконец, последнее. Авторы редко поднимаются до высот, с которых можно было бы обозреть весь мир или всю Россию, сознательно ограничивая себя рамками локальной истории. Поэтому они исследуют ход событий в Вологде или за ее древними стенами, находясь, фигурально выражаясь, на высоте «своей колокольни». Им интересно все, что имеет отношение к истории города: свидетельства археологии, письменные исторические источники (летописи и законодательные акты, материалы исторических и хозяйственно-статистических описаний Вологды, частная переписка, дневники, воспоминания и т. д.), изобразительные и картографические материалы (планы, гравюры и рисунки, фотографии), устные предания и легенды, топонимы, городские сооружения, улицы и площади... Но, даже находясь на относительно небольшой высоте «своей колокольни», ни на одном из этапов исследования авторы не забывали, что история Вологды всегда была, есть и будет частью истории России.

Фрагмент собственноручной записи Петра I о его первых плаваниях, первой поездке в Вологду и на Кубенское озеро (сохранены особенности оригинала):

«а охота стала от час быт более
того для я стал проведеват
где более воды то мни обяви
ли Переславское озеро (яко на близж
шее) куды я подо образом обеща
ния в Троицкой монастыр съез у матери выпъро
дилъ а пот сился а потом у
же стал ее просит і явно чтоб
там двор і суды зделат і тако
тм вышереченої Карштен Брант зде
лал 2 малые фрегаты і 3 яхты
і там несколко лет охоту свою
ісполняя но потом і то показалас
мала то ездил на Кубенское озеро
но оное ради мелкости не показалас»

